

Живет в Краснослободске (Россия).

ИНТРОВЕРТИВНАЯ СВОБОДА

Бодлер

Мойры безотчётно судьбу плетут,
Цель определяет посланец свыше.
Запоздалая мудрость и прозрение придут,
Когда жизнь доберётся до финиша.

Короткий марафон судьба готовит,
Душа отмучается и тело покинет.
Роковая проставлена печать
На чело символического поэта.

Разум и душа стремятся к разводу:
Тягостен им такой мезальянс.
Желает поэт обрести свободу,
И вносит душу в залог, как аванс.

Поэт – пророк любой эпохи,
И словно резидент в своей стране.
Неистово ищет чужие огрехи
В духовной китайской стене.

Сердце в вакууме – мало свободы.
Душа заблудилась в кругах Ада.
Где же убежище найти? У Бога?
Но слишком узенькая туда дорога.

Распахивает Сатана широкие двери,
Приглашает пополнить свой легион.
И страдает душа от неверия,
Лукавый выбор ей предложен.

Тянется душа к небесному свету,
Вожделения тащат в подземный мрак.
Вся суетная жизнь бесплодная драка:
Балансировка по невидимому канату.

Лежит заклеимённый поэт в темноте,
В прокуренной грязной комнате.
Валяются вырванные листы везде,
Из осуждённой судом книги.

Отправили на эшафот «мерзкие» стихи,
И кричит душа голосом Стентора;
Не соглашаются выстраданные стихи
С решением судейского ментора.

В суде – словно поэт в Каноссе,
Принуждают к лицемерному покаянию.
Суд – духовная изменчивая метресса,
Призывает общество к нападению.

Если судится Власть с поэтом,
Значит, признаёт она в нём Поэта.
Беспощадное сладострастное бичевание,
Неумолимо подталкивает к отречению.

Взор из-под лобья – мефистофельский взгляд,
Душа примеряет inferнальный наряд.
Осталась в жизни одна забава:
Извлекать красоту из мрачного зла.

Иллюзию счастья наркотики создадут,

Мозг искусственного рая жаждет.
Клокочет дух, возмущённый злом,
Извлечённая красота обручена со злом.

Переступил разум невидимый Рубикон,
Впереди царство первобытного Калибана.
Истина – вечный кандидат на трон.
Красота – возносится путём обмана.

С яростным пылающим духом
Броситься в бурлящую Этну лихо?
Или покориться Судьбе достойно?
Если сердце желает жить спокойно.

Добродетель гнездится в пороке,
Зло притаилось в красоте.
Трудно – в тисках злобного порока,
Хочет воспарить дух к высоте.

Стойкая безысходность породила сплин,
Взалкала душа искусственного рая.
Но достигнуть искусственного рая,
Лишь в искусственной жизни возможно.

Безумный осмысленный взгляд
Пронзает пространство времени.
Духовный оргиастический фейерверк
Принесёт иллюзорное наслаждение.

Хочется жить в цветастом раю,
Стараясь миновать жуткое пекло.
И смотреть через розовое стекло,
Одурманившись мнимой красотой.

Калейдоскопом мелькают чудища,
Проходит реальная жизнь рядом.
Балансирует поэт между Раем и Адом,
Став завсегдатаем Чистилища.

Силы на исходе – впереди Вечность.
Душа и тело утомились бороться.
Разум затухает – устал сражаться.
Красота иссякла, а Зло осталось.

Осквернилась душа страстолюбца,
Осели чувства в глубинах сердца.

Правда и красота – на дне колодца,
Бессилен разум перед ветряными мельницами.

Искусственный идеал – соломенный меч,
Невозможно вести реальную сечь.
Закончился испытательный души срок,
Осталось выбросить белый флаг.

Предъявлен неравный гамбургский счёт,
Но пусть последующая эпоха рассудит.
И свой посмертный счёт присудит
Бессмертным стихам падшего поэта.

Неприкаянный поэт по миру бродит,
Ищет, где душу свою приютить.
Жизнь – тире между рождением и смертью.
Смысл жизни – в обретении бессмертия.

«Перевыполнил план» французский поэт,
Пережив великого Пушкина на 10 лет.
Но две пятилетки – сплошной Бедлам,
Надежды тщетны – разум – пополам.

Пощадите и помилуйте душу странника,
Падшего ангела – Поэзии поклонника.
Мессалинская жажда стихотворчества,
Породила осмысленное декадентство.

Поздно грезить – Атропос обрезала нить.
Не поможет спасительная Ариадны нить.
Посетил мир поэт не в свои времена,
А впрочем, поэт всегда не ко времени.

Вторжение

Ворвалась в ум, мысль остервенело,
Словно пуля шальная влетела.
Разлетелся мозг в мелкие клочья,
Будто побывал в пасти волчьей.

Пятая колонна в голове управляет,
Мятежно исподволь свербит и буравит.
Диктует принять двоедушное решение,
Разум подвергся наглому покушению.

Постоянно висит дамоклов меч,

Угрожает в любой момент покарать.
Потребуется сотня церковных свеч,
Чтоб бесовскую атаку отразить.

Безумный разум – обитель Минотавра.
Понадобится отвага, чтоб поставить тавро.
И отделить наносное подлое влечение,
От самобытного родного мышления.

Поэт

Испугалась душа бессмертия,
И пустилась в безумный загул.
Требует разум сатисфакцию
За нанесённый моральный прогул.
Накатывает на поэта запой
В его необузданном творчестве.
И становится он словно изгой
В своём родном отечестве.
Берёт чистый лист бумаги:
Карт-бланш от Евтерпы получает.
Заново новую жизнь сочиняет,
Где отступают и боль, и враги.
Мозг поэта – сакральный храм,
Излучает молитвенные звуки.
Не по нутру бесам такие муки,
И тянут они поэта в Бедлам.
Поэт – «летучий голландец»,
Неуправляемый, гордый певец.
Устраивает словесные Канны,
Посыпая солью свои раны.
Любые роли играет поэт,
Лишь с Судьбой сладить не может.
И несёт свой тяжёлый крест,
Не надеясь, что Стефан поможет.
Одарили поэта минутой славы,
А в обмен – век забвения.
Такие у Судьбы забавы,
Причудливые развлечения.
Сон – репетиция смерти.
Творчество – тренинг бессмертия.
«Умирает» поэт, завершая строчку,
Когда ставит последнюю точку.
Поэзия для непосвящённых,
Что азбука Брайля для зрячих.
Поэт без истового вдохновения,

Что без ядовитого зуба змея.
Гениальный поэт – загадочный Сфинкс,
И чёрный ящик Вселенной.
Наблюдает жизнь, словно Аргус,
И отмечает лики жизни тленной.
У современников поэт не в чести,
Стихи лежат забальзамировано,
В предвкушении посмертной участи,
Приговора поджидая смиренно.
Слава – высший орден поэту,
Который терпением надо заслужить.
И не нужно Судьбе перечить,
А взять её – и перехитрить.
Пока из космоса достигнет
Давно погасшей звезды свет,
Так и слава поэта настигнет,
Когда его уже в живых нет.

